

Виктория Майи

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Президент Путин самолично вручил орден за "Заслуги перед Отечеством" II степени (экс-президент Ельцин тоже награждал ее "за заслуги", но в меньшей степени и не лично), вкратце осветил биографию Плисецкой и назвал ее чем-то вроде символа Российского государства. Министр культуры М.Швыдкой, по его собственному признанию, "вклинился" со своей речью в паузу, потребовавшуюся героине вечера для переодевания. Букет, который он держал в руках, — миллион алых роз — просто не поддавался описанию. Анатолий Чубайс, выйдя на сцену, не нашел слов для того, чтобы выразить свои чувства. Но спонсорская поддержка, оказанная торжеству РАО ЕЭС была красноречивее всяких слов.

Махина юбилейного вечера медленно, но с неотвратимостью судьбы двигалась по направлению к финалу-апофеозу. К прославляющей победу русского оружия увертюре П.Чайковского "1812 год", торжественному выходу Плисецкой под переливающимся серебряным дождем, к "Царствуй над нами" и триумфальным ударам колоколов. На этом пути мы увидели печально сдержанного Лебедя Эгле Шпокайте, обозначившей контур танца Плисецкой и в то же время оставшейся самой собой, великолепную Ану Лагуну, неповторимую — исполнив небольшой сольный номер, она заставила вспомнить об этом — первую

Кармен Матса Эка, неукротимых прыгунов Американского Балетного театра, корсаров и актеонов Анхеля Корейю и Хосе Мануэля Карренью и многих других артистов больших и малых балетных театров и ансамблей.

Но перед тем как грянули колокола, случился еще один главный сюрприз — мировая премьера номера "Аве Майя" на музыку Баха — Гунно в постановке Бежара. Всего три минуты. И очень просто. Слишком просто. Вызывающе просто. (Да и не каждый отважится, соблазнившись созвучием, на такую игру имен: Майя — Мария). Но вызов — это как раз то, что и любит Плисецкая. Бежар, однако, вовсе не прост. Очевидно, что эта миниатюра и своим музыкальным строем, и пластикой рук, усиленной подрагивающими в них веерами, призвана вызвать в памяти еще один символ искусства Плисецкой — ее Лебедя. Японский акцент — мелкая, семенящая походка и та же игра веерами — напоминает о предыдущем юбилейном подношении Бежара — балете "Курозука", об их общем с Плисецкой увлечении японским искусством. В старинных японских легендах прекрасные женщины нередко превращались в прекрасных птиц... В сущности, за эти три минуты была рассказана судьба. Искусство вечно, но жизнь коротка. И как жаль, что все лучшее в ней так скоро превращается в легенду.

Натаалья ШАДРИНА